

Евгений Мартышев. Это имя для меня – знак качества. О чём бы ни писал этот кудесник слова – о Родине, о природе или любви, он всегда делает это с неизменным вкусом и мастерством, талантливо и профессионально. Поэзию Евгения Фёдоровича отличает горячая любовь к русскому слову, тонкий лиризм, яркая эмоциональность и предельная искренность. Мне довольно трудно выделить наиболее любимое произведение в творчестве Евгения Фёдоровича. Каждое произведение обладает высокой себестоимостью и имеет свой золотой запас – богатый сюжет, щедрую образность и высокую духовность. Тезаурус личности Мартышева поистине огромен. И эта словарная казна поэта постоянно растёт и пополняется.

Его остросоциальные стихи, такие как «Баллада о противостоянии», потрясают воображение ярким драматизмом, а читая «Облепиховый берег» возле которого *«трясогузочка на отмели крестит лапками песок»*, понимаешь, *«как светло и как божественно всё распахнуто вокруг»*. Что касается любовной лирики Мартышева, то это – своеобразный гимн настоящему чувству, в котором трепетное отношение к женщине соперничает со шквалом еле сдерживаемых чувств. Поэт не стыдится откровенных признаний, не боится показаться читателю слабым и ранимым. И в этом его сила. Такая открытость души и обезоруживающая исповедальность никого не могут оставить равнодушными. Не оттого ли мне кажется, что все признания автора обращены именно ко мне? Боюсь, что тоже чувствуют и все другие читательницы и почитатель-

ницы его таланта. Автор застаёт героев в кульминационный момент – в момент внезапной встречи, объяснений, ссоры или наблюдения за предметом обожания. В стихотворении «Люблю следить, как входит в море женщина» с упоением читаешь: *«вкруг смуглых ног волна взметнулась венчиком, как отвороты сказочных сапог»*... Автор и саму женщину сравнивает со стихией, с гибкой «вертикальной волной». Язык поэта способен передать весь спектр эмоций и калейдоскоп чувств – пьянящее чувство влюблённости и полынную горечь расставания, немое отчаяние и томительное ожидание ответного чувства. Разве могут не волновать такие стихи, как *«Завидую мучительно и больно всему и вся, что связано с тобой»*, *«Я так люблю, что нежности моей предела нет»*, ну и, конечно, *«Любимая, я – зеркало твоё»*? Сложно противостоять натиску и накалу такой поэтической чувственности. Ведь его лирический герой – не просто романтик и рыцарь, это суровый воин с нежным сердцем, настоящий мужчина, в груди которого клокочет мощное дыхание поэзии.

Творчество Е. Мартышева столь велико и многогранно, что пытаюсь дать ему оценку, чувствуешь своё бессилие. Все слова разбиваются, как молодые голуби, о скалу его личности... Е. Мартышеву присуща не только феноменальная трудоспособность и творческая плодовитость, но и выдающаяся жизнеспособность его творений. Ну, какой ещё автор может похвалиться каскадом собственных дивных произведений, слившихся в единый, полновесный, стилистически выдержанный цикл сказок? Что это – опозитизированные сказки или сказочная поэзия? Лично я и поэзию, и сказки любила с детства. Может быть, поэтому синтез этих двух жанров для меня особенно притягателен? Не буду касаться тематики сказок, пересказывать и анализировать их витиеватый сюжет. Это стоит отдельного разговора, ведь фантазия автора воистину

неистоцима. Расскажу только об интересном феномене, который они вызывают. В каких только народных сказках звери ни разговаривали человеческим голосом? Разговаривают домашние животные и в сказках Мартышева – то мудро, то потешно. В его произведениях и кошки, и собаки – полноправные участники волшебных событий. Но такова уж магия его поэтического слова, чарующая ритмика и энергия произведения, что я, как читатель, пленяясь сказочным сюжетом, настолько вживаюсь в условность происходящего действия, что ещё долгое время после прочтения ощущаю его фантастическое послевкусие. Как-то раз, начитавшись сказок Мартышева и находясь под чарами его поэзии, я поймала себя на странной мысли, что «моя собственная кошка сегодня что-то слишком молчалива». И тут же внутренне улыбнулась собственному заблуждению. Кошки ведь не разговаривают! Пусть угар ирреальности быстро рассеялся, и здравый смысл возобладал, пусть это заблуждение длилось всего мгновение, но оно было. Это ли не высшая награда для писателя – ощутить своё могущество, почувствовать силу воздействия своего слова, вскружить голову, захватить, завоевать внутренний мир читателя, наполнить его своим видением мира, заставить его смеяться и сопереживать лирическим героям? Как тут не вспомнить слова А. С. Пушкина: *«Тьмы низких истин мне дороже /// Нас возвышающий обман»*. Конечно, подобный эффект игры воображения и принятия условности зависит не только от автора, но и от настроения и внушаемости читателя, то есть от той почвы, в которую брошено реальное семя вымысла. Но, думаю, это особенно доступно тем, кто находится с автором на одной волне, ведь полное взаимопонимание – это не просто цель и квинтэссенция общения, это прерогатива и привилегия истинно родственных душ.

Что меня более всего удивляет в творчестве Е. Мартышева? Вечная, кропотливая, титаническая работа над словом. Вызывает уважение мастерство и терпение автора, цельность

его позиции, тщательная продуманность сюжетных ходов и меткая характеристика персонажей. Выписывая новое сказочное рондо от первого лица, автор ставит перед собой очередную сверхзадачу и успешно решает её.

Сказки Е. Мартышева богаты не только увлекательной фабулой, они несут в себе мощный познавательный-образовательный контент. Недаром автор в конце каждой книги приводит глоссарий – список древних, редко употребляемых слов, таких как «чаруса», «корец» или «терлик». Перед мысленным взором читателя воскресает старинный уклад жизни и явственно слышится густой народный говор. А стало быть, жив русский язык, который бережно хранит в себе традиции и дух нашей истории.

Какими только древними ремеслами ни обладают главные герои его произведений! И как точно, подробно и красочно отражены в произведениях секреты различных профессий! Ну а в новой (тринадцатой) книге поэтическое сказание идёт о ковале, литейщике колоколов. И не случайно данное творение носит название «Колокольных дел мастер». Ведь каждую свою сказку автор отливает, как колокол – с любовью, тщанием и Божьей помощью. Поэтому каждая звучит по-особенному, у каждой сказки свой голос, свой мотив, своя тональность. И сама собой рождается ассоциация: да ведь не только главный персонаж Бориска, а и сам автор по сути – Колокольных дел мастер.

Автор каждое своё живописное повествование заканчивает одним и тем же рефреном – «Ваш слуга и верный друг». Эта финальная подпись – зарифмованное факсимиле, своеобразная печать писателя – по сути своей и есть изящная ювелирная проба, которую ставит мастер на своём изделии. Это всё тот же знаменитый знак качества, который оставляет нам слуга русской литературы и верный друг любителей словесности.